

СКОТНЫЙ ДВОР

Сказка-аллегория

ГЛАВА 1

Мистер Джонс, хозяин Барского двора, запер на ночь курятники, но забыл спяну про лазы для молодняка. Пройдя нетвердыми шагами к черному ходу, так что свет от его фонаря танцевал по сторонам, он скинул сапоги, нацедил из бочонка в буфетной последнюю кружку пива и поднялся в спальню, где уже храпела миссис Джонс.

Как только свет в спальне погас, во всех надворных постройках началось копошение и шуршание. Днем прошел слух, что старый Мажор, призовой хряк породы мидлуайт, увидел ночью странный сон и захотел поведать о нем другим животным. Было решено, что едва мистер Джонс уйдет к себе, они все соберутся в большом амбаре. Старый Мажор (так его всегда называли, хотя на выставках он был известен под кличкой Краса Уиллингдона) имел на ферме такой авторитет, что все согласились недоспать час, лишь бы послушать его.

В глубине большого амбара на чем-то вроде помоста с охапкой соломы уже разлегся Мажор — под фонарем, свисавшим с балки. Хряку шел тринадцатый год, и с некоторых пор он погрузнел,

но все еще сохранял величавый вид, исполненный мудрости и великодушия, хотя клыки ему никогда не подпиливали. Вскоре начали подтягиваться и другие животные, устраиваясь поудобнее, каждое на свой лад. Первыми явились три собаки, Ромашка, Джесси и Ухват, а за ними свиньи, которые тут же расселись рядком у самого помоста. Куры вскочили на подоконники, голуби вспорхнули на стропила, овцы и коровы разлеглись позади свиней и принялись жевать жвачку. Степенно переставляя косматые копыта, пришли двое ломовых лошадей — Боец и Кашка. Они начали топтаться на месте, стараясь не раздавить какую-нибудь мелюзгу в соломе. Кашка была грузной кобылой не первой молодости, раздобревшей после четвертого жеребенка. Боец же — громадная коняга едва ли не в два метра ростом — силой равнялся двум обычным лошадям. Белая отметина на храпу придавала ему глуповатый вид, да он и вправду не блистал умом, но все уважали его за выдержку и поразительное трудолюбие. За лошадьми явились белая коза Мюриел и осел Бенджамин. Бенджамин был самым старым и самым вредным из всех животных на ферме. Он почти всегда молчал, только изредка отпускал циничные замечания — к примеру, он мог заявить, что Бог дал ему хвост, чтобы отгонять мух, но он бы предпочел, чтобы не было ни хвоста, ни мух.

Из всех животных он один никогда не смеялся. Если кто-нибудь спрашивал его об этом, Бенджамин отвечал, что не видит ничего смешного. Тем не менее он привязался к Бойцу, хотя никак этого не показывал; по воскресеньям они обычно паслись вместе в загончике за садом, поглядывая по сторонам и не говоря ни слова.

Как только лошади улеглись, в амбар вереницей вбежали утята, отбившиеся от утки. Они покрякивали и шныряли туда-сюда, пытаясь найти место, где их не раздавят. Кашка вытянула могучую переднюю ногу, огородив их, точно стеной, и утята удобно устроились и сразу задремали. В последнюю минуту зашла, жеманясь и хрупая куском сахара, белая кобылка Молли — хорошенькая дурочка, которая возила дрожки мистера Джонсона. Она заняла место вблизи помоста и начала потряхивать гривой в надежде похвататься вплетенными в нее красными лентами. Наконец, явилась кошка и, по обыкновению приглядев себе самое теплое местечко, втиснулась между Бойцом и Кашкой; там она блаженно промурлыкала всю речь Мажора, не слушая ни единого слова.

Теперь все животные были в сборе, не считая ручного ворона Моисея, спавшего на жерди у черного хода. Когда Мажор убедился, что все удобно устроились и готовы ему внимать, он откашлялся и произнес:

— Товарищи, вы уже слышали, что мне приснился странный сон минувшей ночью. Но об этом я еще поговорю. А сперва скажу кое-что другое. Я думаю, товарищи, что через несколько месяцев меня с вами уже не будет, и прежде, чем я умру, долг велит мне передать вам накопленную мудрость. Я прожил долгую жизнь, многое успел обдумать, лежа в своем закуте, и могу утверждать, что понял, как устроена жизнь на Земле и каковы из себя все живущие ныне животные. Вот об этом я и хочу говорить с вами.

— Так вот, товарищи, как же устроена эта наша жизнь? Давайте признаем, что жизнь наша убога, трудна и коротка. Мы рождаемся, нам дают ровно столько еды, чтобы мы не протянули ноги, а тех из нас, кто пригоден к работе, принуждают трудиться, пока не выжмут все соки; а как только мы перестаем приносить пользу, нас забивают самым чудовищным образом. Ни одно животное в Англии, едва ему стукнет год, не знает ни счастья, ни отдыха. Ни одно животное в Англии не свободно. Жизнь животного — это убожество и рабство; это чистая правда.

— Но заведен ли такой порядок самой природой? В том ли дело, что наша земля так бедна, что не может обеспечить достойную жизнь своим обитателям? Нет, товарищи, тысячу раз нет! Земля Англии плодородна, климат страны благодатен, и она может давать обильную пищу

гораздо большему числу животных, чем сейчас ее населяют. Одна наша ферма могла бы обеспечить еще дюжину лошадей, двадцать коров, сотни овец — и все они жили бы в таком раздолье и достатке, какие нам трудно и вообразить. Почему же мы тогда влачим это убогое существование? Потому что почти все плоды нашего труда присваивают люди. Вот, товарищи, и ответ на все наши беды. Он выражается в одном слове: человек. Человек — наш единственный подлинный враг. Стоит убрать человека, и навсегда будут вырваны с корнем голод и непосильный труд.

— Один лишь человек потребляет, но ничего не производит. Он не дает молока, не несет яиц, он слишком слабый, чтобы пахать, слишком медленный, чтобы ловить кроликов. Однако же он властвует над всеми животными. Он заставляет их работать, дает лишь самый минимум, чтобы не подохли с голоду, а остальное берет себе. Наш труд возделывает землю, наш навоз удобряет ее, однако никто из нас не владеет ничем, кроме своей шкуры. Вот вы, коровы, лежащие предомной, сколько тысяч галлонов¹ молока дали вы за прошлый год? И что случилось с этим молоком, которым вы могли бы вспоить крепких телят? Все оно до последней капли пошло в глотки нашим врагам. А вы, куры, сколько яиц вы отло-

¹ 1 галлон = 3,78 литра (здесь и далее прим. пер.).

жили за прошлый год, и из скольких вылупились цыплята? Все остальные пошли на рынок, чтобы Джонс и его люди выручили деньги. А ты, Кашка, где твои четверо жеребят, которые были бы тебе опорой и радостью в старости? Каждого из них продали, едва им стукнул год, — и больше ты их не увидишь. Четыре раза ты вынашивала и рожала, а сколько работала в поле — и что ты получила взамен, кроме скудного пайка и стойла?

— Но и такие убогие жизни у нас обрывают раньше срока. Сам я не жалею, я один из счастливых. Мне двенадцать лет, и я породил четыре с лишним сотни поросят. Такова естественная жизнь свиньи. Но ни одно животное не спасется в конце от страшного ножа. Вот вы, подсвинки, сидящие предо мной, каждый из вас завизжит смертным визгом на бойне — не пройдет и года. Всех нас ждет этот ужас: коров, свиней, кур, овец — всех. Даже у лошадей и собак судьба не лучше. Вот ты, Боец: в тот же день, как ослабеют твои могучие мышцы, Джонс продаст тебя живодеру, который перережет тебе глотку и сварит твоё мясо на корм гончим. Что до собак, как только они постареют и лишатся зубов, Джонс привяжет им кирпич на шею и утопит в ближайшем пруду.

— Так разве не яснее ясного, товарищи, что все зло нашей с вами жизни происходит от людской

тирании? Только избавьтесь от человека, и плоды нашего труда станут нашей собственностью. На завтра же мы станем богаты и свободны. Так что же нам делать? Да работать денно и ночью, душой и телом, чтобы свергнуть человеческий род! Вот к чему я призываю вас, товарищи: к восстанию! Не знаю, когда это восстание случится — может, через неделю, а может, через сотню лет — но я осознаю так же ясно, как вижу эту соломинку под ногами, что рано или поздно восстановится справедливость. Вперьте взор в нее, товарищи, сквозь краткий остаток ваших жизней! И самое главное: передайте этот мой призыв тем, кто придет после вас, чтобы будущие поколения продолжили борьбу до победного конца.

— И помните, товарищи, никогда не должна дрогнуть ваша решимость. Ни единый довод не должен вас поколебать. Никогда не слушайте, если скажут вам, что человек и животные имеют общие интересы, что процветание одного есть процветание других. Это все ложь. Человек не служит ничьим интересам, кроме своих собственных. А между нами, животными, да будет безупречное согласие, безупречное боевое товарищество. Все люди — враги. Все животные — товарищи.

После этих слов поднялся шум и гам. Речь Ма-жора привлекла внимание четырех здоровенных крыс, которые выползли из своих нор и уселись,

подняв морды. Их заметили собаки, и только близость нор и крысиная прыть спасла им жизни. Мажор воздел копытце, требуя тишины:

— Товарищи, — сказал он, — вот какой вопрос надо решить. Дикая создания, такие как крысы и кролики, — друзья они нам или враги? Давайте проголосуем. Я выношу этот вопрос на обсуждение: товарищи ли нам крысы?

Тут же провели голосование и с подавляющим перевесом постановили, что крысы — товарищи. Только четверо внесли смуту: три собаки и кошка, которая, как потом оказалось, голосовала за обе стороны. Мажор продолжил:

— Я уже почти все сказал. Только повторю: всегда помните, что ваш долг — бороться против человека и всех его дел. Всякое двуногое — враг. А четвероногое или крылатое — друг. И помните еще, что в борьбе с человеком мы не должны уподобляться ему. Даже после победы не перенимайте его пороков. Никакое животное не должно ни жить в доме, ни спать на кровати, ни носить одежду, ни пить спиртного, ни курить, ни трогать денег, ни заниматься торговлей. Все человеческие обычаи пагубны. И самое главное, никакое животное никогда не должно угнетать себе подобных. Слабые и сильные, умные и кто попроще — все мы братья. Никакое животное никогда не должно убивать другое животное. Все животные равны.

— А теперь, товарищи, я расскажу вам свой сон. Не берусь описать его вам. Мне снилось, какой будет Земля, когда исчезнет человек. И я вспомнил кое-что давно забытое. Много лет назад, когда я был поросенком, мать моя с другими свиноматками бывало пела одну старую песню, из которой они помнили лишь мотив да три первых слова. В детстве я знал этот мотив, а потом как-то позабыл. Однако прошлой ночью он вернулся ко мне во сне. Более того, вернулись и слова песни — слова эти, ручаюсь, пели животные далекого прошлого, но последние поколения уже не помнят их. Сейчас я вам спою, товарищи. Я стар, и голос мой осип, но я только обучу вас песне, а дальше вы будете петь как следует. Она называется «Звери Англии».

Старый Мажор прокашлялся и запел. Несмотря на сиплый голос, пел он довольно прилично, и мотив — что-то среднее между «Клементиной» и «Кукарачей» — брал за душу. Слова были такими:

В землях Англии и Эйре,
И во всех мирских углах,
Песнь мою услышьте, звери,
О грядущих светлых днях.
День придет, и мы воспрянем,
И людская минет власть,
Мы в краю английском станем
На полях резвиться всласть.
Упряжь и седло истлеют,
Сгинет тяжесть хомута,